

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС ГЕМЕ И ДЕТЕЙ РАБОВ В ЭПОХУ III ДИНАСТИИ УРА

В хозяйственных документах эпохи III династии Ура для обозначения подневольного рабочего персонала женского пола, занятого как в частном, так и в государственном хозяйстве, употребляется термин *геме, гим* (*gēme, gīm*). В юридических документах той же эпохи под этим термином подразумевается всегда «рабыня», т. е. лицо, потерявшее личную свободу. В научной литературе высказано соображение, что *геме* государственного хозяйства «по своему положению признавались свободными или полусвободными»¹.

По данным юридических документов² термином *геме* назывались только те лица женского пола, которые по различным причинам потеряли личную свободу, став собственностью других.

В документах засвидетельствованы в основном два случая потери женщинами личной свободы: продажа и наследственное рабство³. Мы выделяем два акта продажи — первичный и вторичный. Первичным мы считаем тот, когда то или иное свободное лицо продается родителями; а вторичным — когда бывшего некогда свободным раба продает его владенец. Рассмотрим несколько случаев первичной продажи девушек родителями⁴.

В третий год царствования Амарзуена (2061 г. до н. э.) в суде города Лагаша разбиралось дело некоей Дугабабы. Было установлено, что отец Дугабабы продал ее не-

¹ А. И. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера, М.—Л., 1956, стр. 276. И. М. Дьяконов справедливо указывает, что «этот вопрос еще обстоятельно не исследовался»; см. И. М. Дьяконов, Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. 4. Структура государственного сектора экономики в Западной Азии, ВДИ, 1968, № 4, стр. 11, прим. 44.

² Сборники юридических документов эпохи III династии Ура см. NG I — III; NRL.

³ В хозяйственных документах засвидетельствован и третий случай, когда одна часть населения завоеванной страны (*nam-ra-aka*), преимущественно женщины, превращалась в рабынь и зачислялась в рабочий персонал хозяйства; подробнее см. В. В. Струве, Лагерь военнопленных женщин в Шумере конца III тысячелетия до н. э., ВДИ, 1952, № 3, стр. 12—25; ср. D. O. Edwards, Neue Inschriften zur Geschichte von Ur III unter Susuen, AfO, 19 (1959/60), стр. 1—32. О термине *nam-ra-aka* см. там же, стр. 18.

⁴ О соответствующих документах см. NG I, стр. 85. Не вызывает сомнения, что продажа детей родителями была вызвана крайней нуждой последних; ср. B. J. Siegel, Slavery During the Third Dynasty of Ur, «American Anthropologist», NS 49 (1947), № 1, часть 2, стр. 11 и прим. 19; I. Mendelsohn, Slavery in the Ancient Near East, N. Y., 1949, стр. 14. Иной точки зрения придерживается А. Фалькенштейн. Он считает, что этот процесс был обусловлен тем, что семья в эпоху III династии Ура стала менее устойчивой (*neu/sumerische Familie einen geringeren Zusammenhalt annimmt*), см. NG I, стр. 86.

коему Уршулудулу. Свидетельскими показаниями было подтверждено, что отец получил за свою дочь от покупателя 3 сикля серебра. На основании этих показаний суд признал Дугабабу «рабыней» (*paš-gemé-sè*, досл. «в качестве рабыни») Уршулудула⁵. В данном случае заслуживает внимания то обстоятельство, что Дугабаба вначале упоминается как свободное лицо с указанием отчества («Дугабаба, дитя [*dumu*] Абагины», 54 : 2). После того как было подтверждено, что отец в самом деле продал дочь, Дугабаба упоминается только лишь как *геме*, принадлежавшая отныне как лицо, потерявшее личную свободу, ее покупателю.

Аналогичный случай мы видим в тексте решения суда по делу некоей Аша. В соответствующем документе говорится, что «Аша, дитя Магиду», мать продала Бабаинзу. Так как показанием трех свидетелей выяснилось, что мать получила в качестве стоимости своей дочери 3 сикля серебра, суд подтвердил права Бабаинзу на «рабыню Аша» (*a-ša gemé*)⁶.

В юридических документах отражены и неоднократные случаи перепродажи купленного ребенка покупателем⁷. В таких случаях, почти без исключения, указывается, кому принадлежит *геме*, предназначенная для продажи. Например: «Нинмунгиму, *геме*, *геме* купца Ананы»; ее купил некий Урзикум⁸. Или же: «Гемепауша, *геме* Ашаги, за 6 сиклей серебра купил Урмеш»⁹. В одном документе прямо указано, что рабыня Бабаданумеа первоначально была куплена Урлугулом, который впоследствии ее, «как рабыню, повторно продал» Лудингиру¹⁰ (*sag*¹¹... — *min-na ba-ga-šam-a*, 68 : 7).

Число таких примеров можно увеличить, однако, нам кажется, в этом нет необходимости. На основании данных документов такого рода¹² можно заключить: 1) женщина (девushка) признавалась *геме*, т. е. рабыней, только в тех случаях, когда показанием свидетелей или на основании соответствующего доказательного документа¹³ подтверждалось, что она потеряла личную свободу и стала чужой собственностью; 2) после того владелец мог продать *геме* заново, подарить кому-либо, передать по наследству, отдать в наем или заложить в долг¹⁴.

В юридических документах засвидетельствовано несколько случаев потери мужчинами или женщинами личной свободы со дня рождения. Юридически они как рабы принадлежат хозяевам их родителей. Здесь мы постараемся рассмотреть вопрос о том, как определялся юридический статус ребенка в эпоху III династии Ура в зависимости от социального положения его родителей.

Известно, что в старовавилонскую эпоху (первая половина II тыс. до н. э.), по данным Законов Хаммурапи, статус детей определялся по социальному положению матери. Если мать была свободной женщиной, тогда и ее дети, рожденные даже при ее бракосочетании с рабом, признавались свободными, т. е. они сохраняли со дня рождения статус матери, статус свободного лица¹⁵. В тех случаях, когда мать была рабыней, а отец — свободным лицом, дети получали статус матери, т. е. статус рабов. Они могли получить свободу только от отца или после его смерти¹⁶.

В отличие от вышесказанного, в шумерской среде, во всяком случае в эпоху III династии Ура, определение статуса детей, как это видно из юридических документов,

⁵ NG II, 54.

⁶ NG II, 175. Документы с аналогичным содержанием см. там же, 35, 37, 50, 54, 170, 193.

⁷ Одного мальчика, например, продают в седьмой, а девочку — в восьмой раз; см. NG I, стр. 85; текст см. ITT II 1, № 3512.

⁸ NG II, 194: 2—4.

⁹ Там же, 211 : 7—11; см. также 198 1 : 18—11 : 2.

¹⁰ Там же, 68.

¹¹ О термине см. В. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, I, Heidelberg, 1920, стр. 375; Siegel, ук. соч., стр. 28; NG I, стр. 82.

¹² См. также NG II, 166, 193.

¹³ Там же, 193 : 15—17.

¹⁴ О соответствующих документах см. NG II, стр. 88—92.

¹⁵ ЗХ, § 175; см. в издании: ЗВАН, стр. 225—261.

¹⁶ ЗХ, § 170—171.

происходило в основном по социальному положению отца (подразумевается случай конкубината, т. е. когда один из супругов был рабом). Для иллюстрации сказанного рассмотрим некоторые данные соответствующих документов.

На шестом году царствования ШуСуэна (2050 г. до н. э.) лагашский суд рассмотрел жалобу некоего Шешкалы¹⁷, который заявил: «Я не являюсь рабом Урсахабабы»¹⁸. Вызванные по этому делу два свидетеля утверждали, что Шешкала родился тогда, когда его отец Урлама жил при дворе Урсахабабы в качестве раба (nam-ir-šè, 32 : 9). Это обстоятельство суд счел достаточным основанием для вынесения следующего решения: «Раба (ir, т. е. Шешкала) утвердить за наследниками Урсахабабы»¹⁹. Таким образом, суд определил Шешкале статус раба, передав его сыновьям Урсахабабы.

Сведения приведенного документа интересны для нас во многих отношениях. Вначале обращает на себя внимание социальное положение Урламы, отца Шешкалы. В показаниях свидетелей вполне определенно говорится о том, что Урлама во время рождения сына жил при дворе Урсахабабы и «как раб получал рацион зерном (и шерстью)» (32 : 7—9). По нашему мнению, прав Б. Зигель, указавший, что в лице Урламы мы имеем дело с человеком, который в данный момент находился в долговой кабале и вынужден был для возмещения долга работать в хозяйстве заимодавца в течение определенного времени²⁰. По § 14 Законов царя Исина Липитиштара (вторая половина XX в. до н. э.), продолжительность периода работы для подобного лица определяется так: «Если (кабальный) раб (arad²¹, XIII : 49) вернет (работой) своему господину (сумму задолженности) по его рабской службе (досл.: «своим рабством», nam-agad-da-ni) и докажет, (что он вернул) сумму по рабской службе вдвойне, (то) этот (кабальный) раб должен быть освобожден»²². По Законам Хаммурапи, лицо, переданное в долговую кабалу, должно работать в доме заимодавца в течение трех лет²³.

Как видим, Законы Липитиштара называют рабом человека²⁴, временно работающего у заимодавца для возмещения долга. Хотя в 3X и не говорится прямо о рабском положении подобных лиц, однако царь-законодатель старается защитить их жизнь от посягательств, установив для кредитора определенное наказание за смертельное избиение и убийство дурным обращением лиц, работающих в его хозяйстве²⁵.

В связи со сказанным выше мы еще раз хотим обратить внимание на то, что в рассмотренном юридическом документе отец Шешкалы, Урлама, упоминается как раб.

¹⁷ NG II, 32.

¹⁸ Такое заявление принимал во внимание суд и старовавилонской эпохи. При подобном заявлении раба суд по § 282 3X требовал от его хозяина подтверждения того, что этот раб действительно принадлежит ему. В законе сказано: «Если раб скажет своему господину: „Ты не мой господин“, (то тот) должен изобличить его как своего раба и затем его господин может отрезать ему ухо».

¹⁹ Во время судебного разбирательства Урсахабабы, как видно, уже не было в живых, так как здесь упоминаются его наследники, а не он сам как современник отца Шешкалы.

²⁰ Siegel, ук. соч., стр. 30—31.

²¹ Соответствующие места в автографии см. H. Lutz, *Selected Sumerian and Babylonian Texts*, Philadelphia, 1919, № 100, rev. 3 : 5, 7, 10; 101, rev. 3 : 4, 6, 9, 12.

²² Перевод И. М. Дьяконова, см. ЗВАХ, стр. 221, прим. 20. Дословный перевод В. В. Струве таков: «Если раб мужа хозяину своему рабство свое у него возвращал, когда он хозяину своему рабство свое вдвойне установил, (то) раб этот освобождается», см. В. В. Струве, *Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине*, ПС, 3(66), 1958, стр. 25.

²³ 3X, § 117.

²⁴ С этой точки зрения весьма интересны сведения одного документа первой половины III династии Ура, который по своему характеру пока единственный среди документов этой эпохи. Он датирован 47-м годом царствования Шульги (2066 г. до н. э.). В документе сказано, что некий Шибу [...] взял в займы 8 сиклей серебра. По договору в случае неуплаты долга от 7-го до 12-го месяца, должник должен был отвести к заимодавцу «своего наследника в качестве раба» (nam-ir-šè); см. NRL, 22 : 10—11. Здесь мы также встречаемся с интересным случаем, когда находившееся в долговой кабале лицо называется рабом. Именно о таком рабе идет речь в вышеприведенном параграфе 3Л. Возможно, таким же путем Урлама, отец Шешкалы, оказался при дворе Урсахабабы.

²⁵ 3X, § 116.

Урлама считался рабом только в течение исполнения им работ при дворе Урсахаббы. Именно в это время у Урламы рождается сын Шешкала, которому по социальному положению отца в момент его рождения был определен статус раба, хотя, как мы уже отметили, его родитель находился, вероятно, только во временном рабстве. Таким образом, Шешкала как раб юридически принадлежал Урсахаббе — тогдашнему хозяину его отца.

Приведем данные из другого документа ²⁶, в котором говорится о роли социального положения отца для определения статуса дочери. Умагину, дочь Уригизибары, раба Азму, продала мать ²⁷. На это выразил свое согласие Алла — тогдашний *энси* (правитель) города Лагаша ²⁸. Прошло некоторое время, и сын Азму, Урдингира, обжаловал дело перед новым *энси* города. На суде он заявил: «Она (т. е. Умагина) является дочерью моего раба». На основании показания свидетелей суд установил, что о продаже Умагины в свое время не было «слова царя», т. е. согласия царя. В связи с этим суд счел действие Аллы, бывшего *энси*, неправильным. К сожалению, в тексте не приведено окончательное решение суда. Поэтому не известно, возвратилась ли Умагина жалобщику. Однако интересующий нас вопрос довольно ясен: в связи с тем, что отец Умагины был рабом ²⁹ Азму (*ir-az-mu*, 71 : 3), это давало сыну последнего основание опротестовать продажу Умагины, т. е. он имел юридическое право на дочь раба, принадлежавшего его отцу. Выходит, что Умагина разделила статус своего отца, статус раба.

Здесь мы не будем приводить данные, содержащиеся в других аналогичных документах ³⁰, отражающих сущность закона ³¹, действовавшего в юридической практике эпохи III династии Ура, в силу которого при определении статуса детей решающее значение имело социальное положение отца.

Вышесказанное дает нам право заключить, что термин *геме* юридических документов подразумевает только тех лиц женского пола, которые потеряли личную свободу со дня рождения или в результате продажи. По социальному положению они — рабыни. В научной литературе ставился вопрос о том, являются ли женщины-*геме* хозяйственных документов такими же рабынями, какие подразумеваются под термином *геме* юридических документов. В свое время А. И. Тюменев высказал мнение, что они таковыми не были. Это предположение целиком базировалось на неправильной, как мы считаем, интерпретации Г. де Жёнуйяка одного юридического документа III династии Ура. Приведем текст упомянутого документа: *17dumu-ir-<da> dumu-g[i]* ³² *18gemē-uš-ki-gar-ra-ke4 19ku-dingir-ra ir-a-tu-š[i]* M-šē in-šī-in-tud-a *20a-tu-e ama-ar-gi4-bi in-gar* ³³ «1-ребенка-раба, (которого) 18 Гемеушкигара 19 родила Кудингире, рабу пивовара Ату, 20 освободил Ату» ³³.

²⁶ NG II, 71. Документ датирован 2060 годом до н. э., т. е. на 10 лет раньше дела Шешкалы.

²⁷ В тексте нет указания о том, что мать Умагины была рабыней. Здесь только сказано, что она является «женой Уригизибары». Б. Зигель не имеет достаточных оснований для утверждения того, что Ушиме, мать Умагины, должна быть рабыней, поскольку является женой раба; см. Siegel, ук. соч., стр. 36.

²⁸ Алла был *энси* города Лагаша в 2072—2064 гг. до н. э.; см. NGI, стр. 118, прим. 7.

²⁹ Нужно думать, что на него не распространялось право главы патриархальной семьи о продаже своей дочери. Поэтому в данном случае в роли продавца выступает мать Умагины, свободная женщина. Однако ее действие было все же незаконным, так как она продала девочку, которая юридически принадлежала другому.

³⁰ NG II, 30, 82, 99.

³¹ До нас дошли фрагменты законов первого царя III династии Ура Урнамму с введением и несколькими параграфами: см. S. N. Kramer, The Laws of Urnammu, «Orientalia», NS 22 (1954), стр. 40—51; он же, История начинается в Шумере, М., 1965, стр. 63—68. См. также J. J. Finkelstein, The Laws of Urnammu, JCS, 22 (1968/69), стр. 66—82. Не исключено, что соответствующий закон был сформулирован и включен в пока не обнаруженную часть Законов Урнамму.

³² Термин *dumu-gi*, дословно «истинный, естественный ребенок», как нам указал И. М. Дьяконов, возможно, означает «побочный ребенок». А. Фалькенштейн переводит как «условно свободный (ребенок) (bedingt Freien)»; см. NG II, 177 : 17.

³³ NG II, 177 : 17—20.

Как видим, в документе идет речь о ребенке, имеющем статус несвободного ³⁴, отец которого — раб частного лица Ату, а мать Гемеушкигара — свободная женщина ³⁵. Частичную транслитерацию с переводом текста указанного документа впервые опубликовал Г. де Женуйяк в 1910 г. ³⁶. Имя матери ребенка — Гемеушкигара (*gemé-uš-ki-gar-ra*) ³⁷ — он транслитерировал так: *gim-ūs Ki-sur-ra-(ge)*, переводя как «ткачиха-рабыня Кисурра». Слог *uš* исследователь ошибочно признавал за сокращенное написание шумерского термина, обозначающего «ткачиху», восстанавливая его как *uš-(bar)*.

В следующем году Г. де Женуйяк опубликовал полную транслитерацию текста с переводом и комментариями ³⁸, в котором уже нет восстановленного им ранее слова *bar*, хотя перевод оставлен прежний. Неправильное чтение указанного текста в документе было исправлено Б. Зигелем и Э. Шлехтером ³⁹. Эти поправки, к сожалению, остались неизвестными А. И. Тюменеву, который, как видно, не имел возможности пользоваться и автографией текста ⁴⁰. Опираясь лишь на транслитерацию и перевод текста, опубликованного в 1911 г. Г. де Женуйяком, А. И. Тюменев пришел к выводу, что «согласно этому постановлению, ребенок, родившийся от связи раба, принадлежавшего частному лицу, и ткачихи (*gim uš-bar*), занятой в государственном (царском) хозяйстве, был признан свободным, очевидно, по общественному положению матери. Это постановление представляет тем больший интерес, что оно показывает, что и *гим* царского хозяйства по своему положению признавались свободными или полусвободными» ⁴¹.

Таким образом, А. И. Тюменев, следуя за Г. де Женуйяком, считает, что матью ребенка является *гим*, *геме*. В данном случае это *геме* — ткачиха, т. е. работница государственного хозяйства, а не частная рабыня. Из условия документа А. И. Тюменев выводит далее, что *геме* в государственном хозяйстве были юридически свободными. Как видно из сказанного выше, в приведенном тексте юридического документа вообще нет речи о *геме*. Поэтому этот вывод А. И. Тюменева сам собой отпадает.

Не оправдывается также мнение исследователя о том, что в упомянутую эпоху статус ребенка определялся по социальному положению матери, подобно старовавилонской практике. Как мы увидели выше, в эпоху III династии Ура при определении статуса детей решающее значение имело социальное положение отца, а не матери. Стало быть, выводы А. И. Тюменева, опирающиеся на неправильную интерпретацию текста, не отражают действительного положения вещей. В настоящее время об юридическом статусе *геме* — работниц государственного хозяйства, мы знаем только то, что терминологически они не отличаются от частных рабынь — *геме*. Значит ли это,

³⁴ Ребенок, несомненно, имел статус отца, т. е. статус несвободного лица, раба. Если бы он имел статус матери, свободной женщины (см. прим. 35), тогда не было бы нужды созывать специальный суд для его освобождения и, разумеется, не существовало бы указанной записи судебного решения.

³⁵ В тексте ничего не сказано о социальном положении Гемеушкигары. Надо полагать, что она свободная женщина, а не рабыня (*gemé, gim*). В противном случае об этом было бы сказано в тексте так же, как и об ее муже.

³⁶ Автографию текста см. ITT II 1, 752. Частичную транслитерацию с переводом см. там же, стр. 22.

³⁷ Подобные личные имена, в которых первыми элементами является термин *gemé*, были довольно распространены в шумерской ономастике; см. H. L i m e t, L'an-throponymie sumérienne dans les documents de la 3e dynastie d'Ur, P., 1968, стр. 413—421. Встречаются также имена, начинающиеся термином *ig* «раб»; см. там же, стр. 438—439. Это обстоятельство отнюдь не указывает на социальное положение лиц, носящих эти имена.

³⁸ H. de G e n o u i l l a c, Textes juridiques de l'époque d'Ur, RA, 8 (1911), стр. 7—8, № VI.

³⁹ S i e g e l, ук. соч., стр. 43, прим. 47; E. S z l e c h t e r, L'affranchissement en droit sumero-akkadien, «Archives d'histoire du droit oriental et Revue internationale du droit de l'Antiquité», 1 (1952), стр. 180 (указываем по А. Фалькенштейну, см. NG II, 177).

⁴⁰ Соответствующее издание (см. ITT II 1) в те годы отсутствовало в библиотеках нашей страны.

⁴¹ Т ю м е н е в, Государственное хозяйство древнего Шумера, стр. 276.

что женщины-геме государственного хозяйства были такими же рабынями, какие подразумеваются под термином *геме* юридических документов? Возможно, что это так ⁴². Во всяком случае, данный вопрос нуждается в дальнейшем всестороннем изучении.

Д. М. Шарашенидзе

THE LEGAL STATUS OF THE *gemē* AND THE CHILDREN
OF SLAVES IN THE III DYNASTY OF UR

D. M. Sharashenidze

The author first considers the question as to the social position of the persons designated by the term *gemē*. In the legal documents of Ur III this term was used only of persons of the female sex who had lost their personal freedom through a sale transaction or by inheriting parental slave status. A woman (girl) was recognised as a *gemē*, i. e. as a slave, only when it was confirmed that she had lost her freedom and become the property of another person. In the legal documents some instances are attested of men and women losing their personal freedom at birth. Like slaves, they are the legal property of their parents' owners.

As regards the children of slaves in the Old Babylonian epoch (first half of the 2nd millennium B. C.), the laws of Hammurabi show that the status of the child was determined by the mother's status. In Sumerian contexts, however, at least in the period of the III dynasty of Ur, it was the father's status which determined the status of the child (assuming the concubinate, i. e. that one parent was a slave). The author examines documents NG 11, 30, 32, 71, 82, 99, from whose data he concludes that these documents reflect the application of legal provisions in force in Ur III, according to which even the temporary slave status of the father (see NG 11, 32) usually made his son a slave.

⁴² В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что рабочий персонал женского пола государственного хозяйства пополнялся главным образом за счет плененного населения завоеванных стран; см. Струве, Лагерь ..., стр. 23. В соответствующих документах пленницы обозначаются именно как *геме* (см. там же, стр. 18, 20); т. е. термин использован здесь в том же социальном смысле, что и в юридических документах, и это вполне естественно: пленница не могла быть ничем иным, кроме как рабыней.